

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Р. Л. Красильников

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ
МОТИВЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

(ВВЕДЕНИЕ
В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКУЮ
ТАНАТОЛОГИЮ)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82.0
ББК 83
К 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16017

Красильников Р. Л.

К 78 Танатологические мотивы в художественной литературе
(Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки
славянской культуры, 2015. — 488 с.

ISBN 978-5-94457-225-7

Монография представляет собой комплексное исследование функционирования танатологических мотивов в художественной литературе. Опираясь на богатые традиции изучения проблемы смерти в гуманитарной танатологии и литературоведении, автор выделяет специфическую область знания — литературоведческую танатологию, призванную выявлять и систематизировать танатологические элементы в литературе. Точкой отсчета для литературоведческих изысканий в этой сфере выбирается теория мотива, позволяющая сконцентрировать внимание на роли одного компонента текста в организации произведения, авторской творческой системы и даже исторически обусловленной художественной парадигмы. Логика исследования продиктована семиотическим подходом к мотивному анализу: изучаются семантика, синтактика и прагматика танатологических элементов. В контексте данных областей знака рассматриваются особенности репрезентации танатологических мотивов, их участие в организации сюжета, в создании образов персонажей, взаимодействие с различными художественными парадигмами, эстетическими категориями и т. д.

Книга адресована филологам, философам, культурологам и всем, кто интересуется вопросами литературоведения и гуманитарной танатологии.

**УДК 82.0
ББК 83**

*В оформлении обложки использована репродукция картины
Ж. Л. Давида «Смерть Марата» (1793)*

ISBN 978-5-94457-225-7

© Р. Л. Красильников, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ГЛАВА 1. Литературоведческая танатология в контексте гуманитарного знания	18
1.1. Становление гуманитарной танатологии	18
1.2. Специфика литературоведческой танатологии	53
1.3. Танатологические мотивы как объект изучения	69
1.4. Типология танатологических мотивов	93
1.5. Резюме	104
ГЛАВА 2. Семантика и поэтика танатологических мотивов	108
2.1. Семантика танатологических мотивов	108
2.2. Танатологическая архетипика и мифопоэтика	141
2.3. Поэтика танатологического нарратива	155
2.4. Танатологические актанты	188
2.5. Танатологические сирконстанты	209
2.6. Танатологические мотивы в художественных парадигмах ..	226
2.7. Резюме	247
ГЛАВА 3. Эстетика танатологических мотивов	253
3.1. Мотив в контексте эстетических понятий	253
3.2. Модальность танатологических мотивов	265
3.3. Танатологические мотивы и возвышенное	278
3.4. Танатологические мотивы и низменное	324
3.5. Танатологические мотивы и другие модусы художественности	368
3.6. Резюме	399
Послесловие	402
Источники и литература	408
Именной указатель	454
Предметный указатель	468

ПРЕДИСЛОВИЕ

Даже высоко дисциплинированный разум может споткнуться при встрече (прямой или опосредованной) со смертью. Никакие ученые степени и профессиональные сертификаты в мире не гарантируют, что мы сможем размышлять о смерти открыто, тактично и бесстрастно [Kastenbaum 1972: IX].

В настоящее время в науке наблюдаются два разнонаправленных, но взаимообусловленных процесса, способствующих обогащению и развитию человеческого знания. С одной стороны, продолжается дифференциация науки, начавшаяся во второй половине XIX в. в русле позитивизма. Современный исследователь работает в одной или нескольких (всегда обозримых) сферах, интересуется одним или несколькими (всегда исчислимыми) объектами изучения. Таким образом, специализация ученых становится все более и более узкой. С другой стороны, примерно со второй половины XX в. происходит постоянная интеграция научного знания, усиливаются междисциплинарные связи. Естественнонаучные исследования получают философское обоснование, занимаются поисками своего экзистенциального подтекста, а гуманитарные — стремятся стать прикладными, использовать исчисления и формулировать законы.

Признавая бесконечность горизонтов познания, как нам кажется, возможно остановиться на исследовании определенного круга тем, которые являются ключевыми для человечества. Например, французский историк Л. Февр писал о необходимости изучения всего «дюжины терминов», которые повлияли на формирование европейского сознания в Новое время [Февр 1991: 239]. В когнитивной лингвистике на выявление этого круга тем направлена работа по созданию словарей констант и концептов [Степанов 1997], в литературоведении — словарей-указателей сюжетов и мотивов [Daemmrich 1987; Frenzel 2005; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы 2003; 2006; 2008].

Что это за темы и термины, константы и концепты, сюжеты и мотивы? Это устойчивые смыслы, «краеугольные камни» человеческой ментальности и жизнедеятельности, медленно трансформирующиеся в века: «человек», «жизнь», «смерть», «любовь», «мир», «труд», «творчество», «природа», «культура», «общество», «мужчина», «женщина», «красота», «время», «пространство», «смех», «власть» и др. Многие из них уже изучаются в рамках специальных дисциплин: антропологии, эстетики, культурологии, социологии, гендерных исследований, кратологии и др.

Данная работа посвящена одной из этих тем — *теме смерти* — и одной из этих дисциплин — *танатологии*. Проблема смерти как одно из основных направлений онтологической рефлексии перманентно разрабатывалась в рамках философских штудий Сократа, Эпикура, Иоанна Дамаскина, Августина Блаженного, М. Лютера, Б. Паскаля, М. Монтеня, С. Кьеркегора, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Энгельса, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю, Н. Федорова, Н. Бердяева и др. Во второй половине XIX — XX вв. это понятие вошло в научный оборот в естественных дисциплинах, в частности в медицине, благодаря исследованиям И. Мечникова, Г. Шора, А. Немилова, И. Шмальгаузена, З. Фрейда, С. Шпильрейна, В. Штекеля, Г. Фейфеля, Э. Кюблер-Росс, Р. Кастенбаума, Р. Айзенберга, Э. Шнейдмана, С. Грофа, А. Налчаджяна и др. Постепенно свою нишу в данной сфере нашли и представители гуманитарного знания: К. Клемен, Ф. Хуземан, В. Янкевич, Ж. Бодрийяр, Ф. Арьес, М. Вовель, Т. Махо, К. Харт Ниббриг, Б. Бассейн, К. Гутке, А. Гуревич, И. Фролов, А. Демичев, П. Гуревич, В. Рабинович, М. Уваров, К. Исупов, А. Лаврин, С. Рязанцев, Д. Матяш, Т. Мордовцева, М. Шенкао, В. Варава, В. Сабилов, В. Стрелков, О. Суворова, В. Багдасарян, А. Гришков, С. Роганов и др.

Современная наука о смерти — танатология — междисциплинарна и охватывает многие области знания. Однако кончина человека настолько таинственна, что при ее исследовании не существует приоритета естественных наук, скорее наоборот — *на передний план выходят гуманитарные дисциплины*, которым приходится постоянно заниматься проблемами иррационального и ирреального характера, в том числе литературоведение.

Литературоведение обладает мощной исследовательской традицией, сформировавшимся терминологическим аппаратом и методологической базой. Оно способно предоставить танатологии — молодой дисциплине — свой опыт решения научных проблем. Так на нашу работу в целом повлияли теоретические и историко-литературные

труды Аристотеля, Э. Ауэрбаха, В. Жирмунского, В. Шкловского, Б. Томашевского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, О. Фрейденоберг, М. Бахтина, Д. Лихачева, Я. Мукаржовского, Г. Пospelова, И. Волкова, Р. Барта, Г. Маркевича, Ю. Лотмана, Е. Фарыно, М. Полякова, Г. Гачева, В. Топорова, Е. Мелетинского, Г. Косикова, В. Хализева, О. Клинга, Л. Чернец, А. Эсалнек, Е. Рудневой, М. Лазаревой, Н. Тамарченко, В. Тюпы, Ю. Орлицкого, И. Силантьева, Ю. Доманского, Ю. Борева, С. Зенкина, С. Кормилова, Л. Колобаевой, М. Михайловой, Н. Солнцевой, М. Голубкова, В. Мескина, Ю. Бабичевой и др. В итоге на стыке танатологии и литературоведения возникло исследование в особой междисциплинарной области — *литературоведческой танатологии (танатологическом литературоведении)*.

Художественная литература является одним из основных источников танатологической информации; основанная на авторском вдохновении и откровении, она позволяет услышать отголоски танатологического опыта прошлых поколений, примерить на себя различные модели отношения к смерти и потустороннему миру. Литературоведческая танатология стремится выявить эти отголоски, сформулировать их и дать им хоть какое-то объяснение, не стесняясь «неокончателности» выводов, так как других выводов в танатологии практически не существует. Определенный опыт подобных научных исследований уже имеется, и он связан с такими значительными в литературоведении именами, как П. Бицилли, М. Бланшо, Ф. Хофман, М. Бахтин, В. Казак, Х. и И. Дэмрих, Ю. Лотман, В. Топоров, В. Кисель, А. Ханзен-Леве, О. Постнов и др.

Вместе с тем литературоведение представляет собой обширную диверсифицированную область знаний, и в рамках одной работы невозможно применить к танатологическим проблемам абсолютно весь литературоведческий инструментарий. В качестве пункта отсчета, опоры в нашем исследовании мы избрали теорию мотива, которая удобна с нескольких точек зрения. Во-первых, понятие мотива в широком смысле охватывает любой литературный элемент, не ограничивая исследователя. Во-вторых, в узком смысле оно обозначает семантико-структурный компонент, который участвует в организации самых различных уровней произведения, в первую очередь содержания, нарративной структуры, сюжета, персонажной, пространственно-временной сфер. В-третьих, мотив является знаковым элементом, что позволяет рассматривать его с семиотической точки зрения: его семантику, репрезентацию, синтактику (синтагматику), парадигматику, прагматику. В-четвертых, он имеет «дихотомическую» [Силантьев 2004: 47]

природу и подходит для структурных гипотез, основанных на различении инварианта и его вариаций. На наш взгляд, именно структурализм (как школа и как метод) с его поиском закономерностей в текстах разного рода вывел гуманитарное знание на новый уровень научности. Наконец, теория мотива и мотивного анализа очень хорошо разработана и позволяет в той или иной степени опираться на труды А. Веселовского, В. Проппа, А. Бема, Б. Томашевского, Р. Барта, К. Леви-Стросса, А. Скафтымова, Б. Путилова, Г. Краснова, Дж. Кавелли, Н. Тамарченко, И. Силантьева и др.

Следовательно, *актуальность* данного исследования обусловлена несколькими факторами, важными для современного литературоведения: обращением к танатологической проблематике, использованием разработок в области теории мотива, структурного и семиотического анализа.

Безусловно, литературоведы уже не раз писали о танатологических¹ мотивах. Преимущественно это были историко-литературные статьи, посвященные данной проблеме в сочинениях различных авторов, наподобие работ Ю. Семикиной, О. Постнова, Е. Шимановой, Н. Афанасьевой, Н. Битковой, И. Канунниковой, Т. Куркиной, В. Лебедевой, О. Левушкиной, Н. Махиной, А. Неминушего, И. Ничипорова, Е. Фроловой, Т. Печерской, Т. Розановой, О. Романовской, С. Рудаковой, Т. Усачевой, Б. Човича, Т. Швецовы и др.

Вместе с тем анализ истории вопроса показал, что исследование по *теории танатологических мотивов*, систематизирующее научный опыт в данной области, до сих пор не осуществлялось. Особенностью нашей работы является также включение литературоведческой танатологии в контекст гуманитарной танатологии в целом, активное использование идей других наук о человеке: антропологии, психологии, социологии, философии, религиоведения, культурологии и т. д. Принцип междисциплинарности и дополнительности — еще один фактор актуальности данного исследования — завершает обоснование и его *научной новизны*.

¹ Очевидно, что слово «танатологические» выглядит избыточным: точнее было бы сказать «танатические», ведь относительно антипода Танатоса — Эроса — свободно образуется прилагательное «эротический». Вместе с тем подобный казус, свидетельствующий о лингвистических причудах русского языка, наблюдается и в психологии, где часто смешиваются лексемы «психический» и «психологический». Заметим, что здесь также накладываются друг на друга понятия науки и ее объекта (общая психология — психология индивида), и адъектив, по всей видимости, образуется именно от второго термина.